УДК 811.111

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКОНА НОСИТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Л. В. Лаенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2011 г.

Аннотация: *в статье обсуждаются различные подходы к трактовке лексикона отечественными и зарубежными учеными, освещаются проблемы организации внутреннего лексикона человека, анализируются понятия «семантическое поле», «концептуальное поле». Обосновывается понимание концептуального поля как способа организации лексикона носителя английского языка.*
Ключевые слова: *лексикон, семантическое поле, структуры знания, концепт, концептуальное поле.*

Abstract: *the article discusses various approaches to lexicon, suggested by both home and foreign scientists, elucidates man`s inner lexicon structure problems, analyzes the notions of semantic field and conceptual field. The basis for understanding conceptual field as a language user lexicon organization is proved.*
Key words: *lexicon, semantic field, knowledge structures, concept, conceptual field.*

За последние десятилетия возрос интерес к проблеме организации лексикона человека. Данная проблема наиболее активно решается в рамках психолингвистики и когнитивной лингвистики, которые направлены на изучение вопросов организации лексикона человека в целом, а также специфики концептов, стоящих за словом, особенностей организации и функционирования единиц вербальной памяти человека. Лингвистов сегодня интересует, как представлены знания в языке, как они упакованы в голове человека, что позволяет человеку понимать воспринимаемое им слово и находить в памяти именно то слово, которое наиболее полно соответствует замыслу его высказывания. Данной проблеме посвящено значительное количество работ [1–5 и др.], но в целом приходится утверждать, что многие вопросы изучены не до конца. В частности, нельзя, во-первых, не учитывать тот факт, что сам термин «лексикон» в современной лингвистике понимается по-разному, в обобщенном виде: 1) как способ организации словарного материала, 2) как ментальный лексикон. Во-вторых, и в первом, и во втором случаях исследователи пользуются термином «поле» для моделирования лексикона, но позиционируют его содержание по-разному: поле семантическое / поле концептуальное. В таком случае возникают вопросы 1) о релевантности оперированием термином «поле» в означенной ситуации, 2) о сущности понятий «поле семантическое», «поле концептуальное», 3) о том, в каком отношении данные понятия соотносятся с лексиконом.

Поиск ответов на поставленные вопросы выстраивает следующую логику рассуждений:

1) описать в соответствующих целях толкование лексикона с позиций разных подходов;

2) выявить основные аспекты проблемы организации внутреннего лексикона человека;

3) определить тип соотношения семантическое поле vs концептуальное поле.

1. *Лексикон и его толкование с позиций разных подходов.* Человек с самого рождения познает мир, опыт и знания, накопленные в процессе жизни, находят отражение в языке, в его лексической системе. Уподобленный информационной системе, человеческий разум открывает доступ к структурам внутренней репрезентации мира именно через язык, являющийся «артикулированным оглашением мысли» [6, с. 108], т.е. символическим репрезентатором когнитивных структур. Однако единое толкование понятия лексической системы, или лексикона, фактически отсутствует.

Термин *лексикон* до последнего времени не был отмечен широким употреблением в лингвистике. Так, в Лингвистическом энциклопедическом словаре есть лишь упоминание, что «по способу организации словарного материала все словари лингвистических терминов делятся на собственно словари (лексиконы) – алфавитные или тематические реестры терминов различной степени информативности – и тезаурусы, фиксирующие семантические отношения между терминами» [7, с. 461]. В Collins Cobuild English Dictionary зафиксировано, что лексикон определенной предметной области – это совокупность терминов по данной теме; лексикон человека или группы – это все слова, которые они употребляют [8, с. 957]. Заметим, что подобные определения лексикона приводятся и в Le bon usage [9, с. 178], и в Dictionnaire du francais contemporain [10, с. 89].

© Лаенко Л. В., 2012

Акцентирование внимания на том, что лексикон – это система, коллективно создаваемая как социальная и лингвистическая группа, которая впоследствии изменяется конкретным пользователем языка, пытающимся выразить свою индивидуальность, является важным, поэтому под термином *лексикон,* с одной стороны, подразумевается именно совокупность слов, созданных и / или используемых личностью или группой.

С другой стороны, в последнее время в связи с рассмотрением человеческого фактора в языке возрастает актуальность обращения к внутреннему / ментальному лексикону, являвшемуся ранее предметом исследования психолингвистов в сфере рассмотрения процессов восприятия слова и понимания текста (школа А. А. Залевской), а теперь привлекающих внимание и когнитивистов. Однако нередко за использованием этого изначально психолингвистического термина скрывается традиционное толкование слова как единицы лексико-семантической системы языка. Иначе говоря, некоторые авторы приравнивают ментальный лексикон к известной индивиду части общенационального словарного запаса, хранимой в памяти в таком же (или близком к этому) виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикологических исследованиях. Имеет также место явно связанная с исследованиями в области искусственного интеллекта тенденция приравнивать ментальный лексикон к семантической памяти.

Попытка отобразить наиболее общее толкование ментального лексикона с позиций когнитивного подхода сделана Е. С. Кубряковой [3]. Речь идет о системе, отражающей в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах и выполняющей сложные функции, связанные как со словами, так и со стоящими за ними структурами репрезентации энциклопедических знаний. Это определение может по-разному пониматься в зависимости от того, как решается ряд непосредственно связанных с проблемой лексикона вопросов, к числу которых прежде всего относятся следующие: а) что понимается под «знанием о словах»; б) какие именно функции выполняет слово как единица лексикона; в) как соотносятся знание о словах и энциклопедическое знание; г) как организован ментальный лексикон; д) каким образом осуществляется доступ к единицам лексикона.

Можно в таком случае выделить два основных подхода к этой проблеме, один из которых в разных вариациях следует за традиционным разграничением форм и значений слов в составе *лексемы,* относя его к современному уровню научных представлений о функционировании языка у индивида, а второй оперирует более абстрактным понятием *леммы.*

Примером первого из названных подходов служит трактовка М. Гармана. Автор трактует лексикон как состоящий из двух компонентов – хранимых значений слов и хранимых форм слов при наличии путей доступа, обеспечивающих связи между этими компонентами и между ними и другими элементами в иерархии переработки [2, с. 180]. По мнению лингвиста, наиболее преимущественной является единая (модально-нейтральная) форма слова в лексиконе, которая при наличии правил позволяет идентифицировать любую лексическую единицу в процессе письма, говорения, чтения и слушания. Еще одной формой слов для каждой единицы является модально-специфическая, преимущества которой состоят в согласованности с системами восприятия и продуцирования речи, а потери связаны с необходимостью дополнительного пространства хранения в лексиконе. В отношении компонентов форм слов признается, что ментальная репрезентация звучания слова отделена от его написания, что формирует определенные взаимоотношения между ними: изначально усваивается фонологическая форма слов, затем опосредованно, через последние – графическая. Однако, как видится, необходимо разграничивать понятие «то, как звучит слово» на две составляющих: «то, на что похоже его звучание» (слуховое восприятие) и «как его озвучить» (артикуляторный моторный выход); это же касается и «того, как читается слово» (зрительное восприятие) и «как пишется слово» (ручной моторный выход).

Второй из названных выше подходов к определению специфики единиц лексикона обычно связывают с трактовкой лексикона Виллема Левелта, согласно которому лексикон можно рассматривать и как посредника между замысливаемой внешней речью в ее концептуальной форме, и ее дальнейшим порождением [11, с. 181]. Оставшуюся же нефонологическую часть лексической единицы, по мнению автора, представляют леммы, образующие ментальный лексикон.

Теоретические представления о структуре лексической единицы В. Левелт распространяет на ментальный лексикон в целом, полагая, что можно говорить о «лексиконе лемм» и о «лексиконе морфо-фонологических форм». Между единицами лексикона существуют отношения двух видов: присущие самим единицам и ассоциативные. Первые из названных отношений устанавливаются по каждому из четырех увязываемых с лексической единицей списков признаков (т.е. на основании значения, синтаксиса, морфологии, фонологии). По линии значения В. Левелт перечисляет связи между словом и его суперординатой (например, *собака* и *животное),* между координированными членами *(собака* и *кошка),* близкими по значению словами и т.д., наборы связанных по значению единиц объединяются в семантические поля. Отношения, присущие единицам лексикона как таковым, В. Левелт подразделяет на прямые и опо-

средованные. Автор полагает также, что ассоциативные отношения между единицами лексикона не обязательно связаны с их значениями и скорее устанавливаются через частотность встречаемости при пользовании языком.

Концепция внутреннего лексикона сегодня строится на признании особой роли в свойствах слова его номинативного потенциала, его ономасиологической и семантической структур, т.е. способности слова репрезентировать и заменять в сознании человека определенный осмысленный им фрагмент действительности, указывать на него, возбуждать в мозгу все связанные с ним знания – как языковые, так и неязыковые – и, в конечном счете, оперировать этим фрагментом действительности в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности [3, с. 68].

Единицей ментального лексикона в таком случае можно считать концепт. Учитывая то, что, как правило, концепт соотносится более чем с одной лексической единицей, количество его языковых репрезентаторов связано с осмысленностью понятия, «покрываемого» концептом, как в коллективном, так и индивидуальном языковом сознании. И именно последнее делает концепт открытым множеством, границы которого в известной степени условны. Наиболее осмысленные языковым сообществом, или опорные, концепты притягивают все новые и новые концепты, каждый из которых может иметь как ряд, поддающийся вербализации, так и ряд, не материализующийся, но остающийся лишь прочувствованным и осознанным фактом. Отсюда следует, что каждый из концептов, составляющий концептуальное поле другого концепта, будучи взятым в отдельности, является «квантом структурированного знания», но при этом он структурирует новую понятийную систему, что объясняет способность языка передавать ограниченным количеством языковых единиц неограниченное количество смыслов [12, с. 113]. Именно поэтому, овладевая словом, человек «автоматически усваивает сложную систему связей и отношений, в которых стоит данный предмет и которые сложились в многовековой истории человечества» [13, с. 22].

Особую значимость тогда приобретает проблема организации внутреннего лексикона человека, которая также неоднозначно решается в лингвистике.

2. *Проблема организации внутреннего лексикона человека.* Бесспорно, язык и речь взаимосвязаны, а это позволяет рассматривать лексикон не только как совокупность знаний, закрепленных в языке, но и как «лексический компонент речевой организации человека, формирующийся через переработку речевого опыта и предназначающийся для оптимального использования в речемыслительной деятельности человека» [2, с. 44]. Поскольку последняя является процессом формирования мысли в речи, логично сделать вывод, что лексикон должен включать единицы всех этапов этого процесса, т. е., иначе говоря, лексикон можно интерпретировать как систему кодов и кодовых переходов, обеспечивающую реализацию процессов смыслоформирования и смыслоформулирования.

В человеческой памяти хранится информация, которая используется на разных этапах речемыслительной деятельности, где фигурируют единицы, являющиеся продуктами многократной и разносторонней переработки слов и соответствующих им чувственных групп и в то же время обусловливающие функционирование слова как средства актуализации этих продуктов. Ряд исследований [14] доказал, что ЛЕ, принадлежащие к различным частям речи, организуют различные структуры. Установлено, что для существительных более характерна иерархическая организация, в то время как глаголы, обозначающие действия и события, взаимосвязаны в лексиконе по матричному принципу.

Структура лексикона и принципы его организации сложны и не поддаются единому описанию. Так, А. А. Залевская склоняется к многоярусности лексикона, заключающейся в следующем: на поверхностном ярусе словоформ находятся, во-первых, установление связей на основе совпадения элементов, а во-вторых, – включение в контексты разной протяженности. Первый из этих принципов может реализоваться на базе совпадения элементов разной протяженности и разной локации в составе вступающих в связь словоформ, в то время как принцип включения может реализоваться как через правый, так и через левый контекст.

Можно предположить, что в качестве третьего принципа организации единиц поверхностного яруса лексикона выступает принцип совместного хранения результатов упорядочения наших знаний об окружающем мире, первоначально оформлявшихся через полные высказывания или через цепи логических рассуждений. Для более детального рассмотрения организации поверхностного яруса лексикона следует обратиться к примерам ошибочной записи информантами слов второго (английского) языка при выполнении задания воспроизвести по памяти слова. В результате вместо слова *sea (море)* было записано *see(видеть),* а вместо *no(нет) – know(знать)*. Примеры такого типа подтверждают правомерность допущения возможности оперирования словом на уровне поверхностного яруса лексикона, без обращения к глубинному. Однако в случае ошибочной записи слов, условно называемом «семантической подменой»:

исходные слова	**ошибочно записанные слова**
орел	*сокол*
кролик	*заяц* (цит. по: [2, с. 59])

речь может идти о существовании глубинного яруса.

Между компонентами приведенных пар слов можно проследить различные виды семантической связи, т.е. исходные слова были идентифицированы испытуемыми на уровне знаний. По мысли А. А. Залевской, «в памяти информанта сохранился общий семантический контур воспринятого слова, однако при выполнении последующего задания воспроизвести это слово либо имел место выбор иной, чем предъявлявшийся в эксперименте, единицы поверхностного яруса лексикона, либо реализовался неадекватный перевод семантического кода, и утрата или добавление некоторого семантического компонента результировались в подмене действительного слова другим, близким к нему по значению» [2, с. 60].

Таким образом, раздельное хранение форм и значений слов может быть интерпретировано, с одной стороны, как свидетельство в пользу психолингвистической реальности глубинного яруса лексикона, а с другой, – как доказательство возможности существования определенной автономности функционирования поверхностного и глубинного ярусов в соответствующих условиях деятельности.

Следует также заметить, что запоминание мысли от слов независимо. Поиск слова в памяти ведется как по чисто формальным – звуковым или графическим, так и по грамматическим и семантическим признакам или по разного рода комбинациям формальных признаков с признаками семантическими; при этом разграничиваются разные степени совпадения формы и значения исходных и ошибочно записанных слов.

К числу ведущих проблем организации лексикона относится и проблема характера связи между единицами поверхностного и глубинного ярусов лексикона. Внимательное сопоставление ассоциатов с исходными словами показывает, что они могут соответствовать разным лексико-семантическим вариантам одного и того же слова или ряду омонимичных слов. Например, ассоциаты к исходному слову EARTH (земля), приведенные в «Ассоциативном тезаурусе английского языка», явно соотносятся с разными значениями этого слова: 1) moon, planet (луна, планета); 2) sky, water (небо, вода); 3) soil, brown (почва, коричневая) [2, с. 68]. Таким образом, выясняется, что заданное в ассоциативном эксперименте исходное слово (точнее, словоформа) может соотноситься с целым рядом единиц глубинного яруса лексикона.

Ассоциативную природу разного рода связей в лексиконе отмечал Н. В. Крушевский [15], основные положения которого можно отразить с помощью следующей схемы (см. рисунок).

Как справедливо отмечает А. А. Залевская, «все представленные в схеме виды связей являются актуальными для лексикона; при этом можно полагать, что каждая единица лексикона вступает в многочисленные связи по каждому из названных параметров и что вся эта многосторонняя информация перекре-

Рисунок. Типы ассоциативных связей по Н. В. Крушевскому

щивается со сложной системой оценок по параметрам эмоциональной окрашенности, частотности, периода усвоения слова индивидом и т. п.» [2, с. 83]. К этому следует добавить, что все *это переплетение и пересечение разнообразных связей и оценок хранится в памяти одновременно вместе с набором стратегий поиска единиц разных ярусов при межъярусных переходах и набором правил сочетаемости единиц в рамках отдельных ярусов и подъярусов.*

3. *Семантическое поле vs концептуальное поле.* Теория поля охватывает, по сути дела, множество точек зрения, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи – идеи семантической связи слов друг с другом в языке. Представляется, что данная теория оказалась результативной потому, что в понятии «поле» лингвистам удалось найти ту структурную величину, в которой слово существует как член лексико-семантической системы.

С точки зрения наличия определенных отношений между элементами в полевой структуре, семантическое поле традиционно понимается как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [7, с. 380]. Стоит отметить, что первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова, однако и Й. Трир, и Л. Вайсгербер подчеркивают, что слово имеет смысл только в рамках поля, так как «слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [4, с. 12]. Позднее в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Зачастую концепции Й. Трира и Л. Вайсгербера рассматриваются как одна концепция Трира-Вайсгербера в связи со сходством высказанных предположений. Что касается отличия в подходах вышеназванных лингвистов, оно состоит главным образом в *способе выделения* семантического поля: у Трира это ономасиологический способ, у Вайсгербера – семасиологический, хотя конечный результат одинаковый – языковое поле, образующее как бы промежуточный мир между внешним миром и сознанием человека определенной языковой общности [4, с. 13].

Несмотря на критику рядом лингвистов некоторых принципов данной концепции, таких как закрытый характер поля и др. [1, с. 107], концепция Трира-Вайсгербера послужила стимулом для дальнейших перспективных и однозначно плодотворных исследований структурных отношений между словами языка с последующим неоспоримым выявлением системных связей между ними (см. [16]).

Представляются существенными следующие положения данной теории. В основе теории семантических полей лежит представление об иерархичности словарного состава языка. Оно распадается на группы слов, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие лексико-семантические группы, семьи, гнезда слов, отдельные слова. Каждое слово в языке входит в определенное лексико-семантическое поле, и не только одно. Многозначные слова, в частности, могут входить в разные поля. Слова, входящие в поле, характеризуются наличием общего интегрального семантического признака, который обычно выражается архилексемой – лексемой с обобщенным значением. Регулярные и системные отношения между лексическими единицами, а также возможность лексемы входить в разные лексико-семантические поля и выходить из них, подтверждают системный характер языка.

С точки же зрения *структуры системы знаний*, представляемых семантическим полем, возможен ряд вариантов. В числе первых структур поля Ч. Филмор называет *контрастивные множества и таксономии,* которые известны также как антонимы и гиперо-гипонимические ряды соответственно, где последние характеризуются отношениями включения, или господства *(дерево – береза, дуб)* [17].

Наиболее исследованной и самой известной структурой, по мнению лингвиста, является *парадигма* – группа слов, имеющих один общий семантический признак и отличающихся друг от друга другими признаками, каждый из которых участвует в различении более чем одной пары слов (*мужчина-женщина / мальчик-девочка*). Двумя другими (не слишком распространенными) типами структур поля являются, по Ч. Филмору, *циклы (утро-день-вечер-ночь)* и *цепи,* т.е. множества слов, соединенных ранговыми отношениями (*воинские звания)*. В качестве структуры семантического поля может также выступать *сеть* (*термины родства*), *партономия* (*название частей тела: ноготь – часть пальца)* и семантические ряды.

Наиболее значимым типом структуры поля является, как показала современная лингвистическая практика, *фрейм*: «…набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [17, с. 49]. Однако семантическое описание входящих в него лексических единиц возможно только при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в основу фрейма, вследствие чего именно фрейм становится центральным понятием при описании способов структурации человеческого опыта в лексической системе языка. Как подчеркивает Ч. Филмор, понимание фрейма как такой организации знания сближает его с понятием «семантическое поле». Отличием же фрейма как аналога семантического поля от самого семантического поля является сфокусированность фрейма как

бы на аспекте значения, а семантического поля – на значимостном аспекте его единиц [17, с. 57].

Таким образом, при изучении лексических единиц как репрезентантов смысла семантического поля последнее может использоваться в исследовании *концептуального поля.* Тогда есть основания трактовать семантическое поле как модель замкнутую, ибо она базируется на интегральных признаках лексем как компонентов системы языка. Смысловое, или концептуальное, поле – принципиально открытая модель, ибо количество его элементов определяется интегративным признаком, структурирующей смысловой доминантой поля, объединяющей вербальные (в том числе и лексические) и невербальные компоненты речевого произведения.

Несмотря на то, что семантические и смысловые поля сосуществуют как взаимообусловленные и взаимодействующие подсистемы сознания/мышления индивида, вероятно, универсальные для человеческого мышления в целом, концептуальное поле рассматривается как модель более высокого порядка («une structure d'ordre superieur» [18, с. 46].

Учитывая то, что вербальные экспликации смысла по своей природе субъективны и поэтому множественны, очевидно, что одна и та же лексическая единица может репрезентировать неодинаковые личностные смыслы. В связи с этим доминанту поля можно рассматривать как лексическую единицу, смысл которой представляет собой систему личностных смыслов, взаимосвязанную конвенциональным содержанием единицы. Заметим также, что, в отличие от семантического поля, которое объединяет лексические элементы на основе общности значения, ***концептуальное поле*** *есть целенаправленная система гетерогенных средств представления (понимания) смысла и включает компоненты, объединенные интегративным смысловым признаком, актуализирующимся функционально в этих элементах.* Следует также учитывать и тот факт, что концептуальное поле является фрагментом концептуальной системы говорящего социума, который отражает этническую шкалу ценностей, в том числе и действующие культурные коды.

Такое понимание концептуального поля, во-первых, учитывает сложно структурируемые концепты, во-вторых, оно логичным образом заставляет искать осязаемую опору в объективациях, репрезентациях таких концептов с последующим анализом именно их и, в-третьих, предполагает поиск таких методов и приемов и/или их комбинаций, которые могли бы дать достаточно объективные результаты относительно того, какие структуры знаний стоят за той или иной единицей/единицами языка и какие связи обеспечивают им статус системного образования в лексиконе носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев Л. В.* Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика : учеб. пособие для студентов и аспирантов / Л. М. Васильев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. – 76 с.

2. *Залевская А. А.* Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.

3. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. славянской культуры, 2004. – 560 с.

4. *Шафиков С. Г.* Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц : учеб. пособие / С. Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 88 с.

5. Pecoraro Vito Les champs conceptuels dans les langues romanes [online] // Synergies Italien. – 2008. – № 4. – P. 45–52 // Accessible de <http://ressources-cla.univ-fcomte.fr/gerflint/Italie4/vito.pdf>. [Date d'acces 13 Mai 2010].

6. *Болотова Е. Н.* Роль лексикона в когнитивно-дискурсивных исследованиях [online] / Е. Н. Болотова // Lingua Mobilis : науч. журн. / под ред. А. А. Селютина. – 2007. – Вып. 3. – С. 106–111. – Режим доступа: <http://vspu.ru/kaf/prepodavateli/bolotova-elena-nikolaevna/publikacii/bolotova-e.n.-rol-leksikona-v-kognitivno-diskursivnyh-issledovaniyah> [Дата обращения : 5 мая 2010].

7. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание // под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

8. *Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

9. *Levelt W. J. M.* Speaking : from intention to articulation / W. J. M. Levelt. – Cambridge, MA : MIT Press, 1989. – 584 p.

10. Collins Cobuild English Dictionary. – Harper Collins Publishers Ltd., 1995. – 1951 p.

11. *Huttenloncher J.* The semantic organization of some simple nouns and verbs / J. Huttenloncher, F.Lui // Journal of Verbal learning and Verbal Behavior. – 1979. – Vol. 18. – P. 141–162.

12. *Вардзелашвили Ж. А.* Языковая репрезентация когнитивных моделей [online] / Ж. А. Вардзелашвили // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Междунар. конф. МАПРЯЛ : сб. науч. статей. – Тамбов, 2005. – Т. I. – С. 113–120. – Режим доступа : <http://vjanetta.narod.ru/mapryal.html> [Дата обращения : 7 мая 2010].

13. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.

14. Dictionnaire du francais contemporain. – Paris : Librarie Larouse, 1980. – 1263 p.

15. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Хрестоматия по истории русского языка / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Высшая школа, 1973. – С. 417–433.

16. Полевые структуры в системе языка / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 199 с.

17. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной литературе. – М. : Радуга, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.

18. *Peeters Bert.* Setting the scene. Recent milestones in the lexicon-encyclopedia debate [online] // Bert Peeters. – Oxford : Elsevier Science, 2000. – 52 p. Available from <http://www.eurolang.mq.edu.au/staff/documents/bert-peeters/CRiSPI_Intro.pdf>. [Date of access : 28 April 2010].

Воронежский государственный университет

Лаенко Л. В., профессор кафедры английской филологии

E-mail: lvlaenko@mail.ru

Voronezh State University

Laenko L. V., Professor, English Department

E-mail: lvlaenko@mail.ru